

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

Р 299 / 3522
АЛЕКСАНДР ПУШКИН

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

№ 52 (967)

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

МОСКВА — 1936

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

КОМАНДИРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

СТИХИ И ПЕСНИ О СТАЛИНЕ

А. Лукин И. Кавказ
С. Сталинский И. Мандельштам
А. Берг П. Яковлев
Е. Бак Е. Чарин
из Общества В. Габриэлидзе
А.-Н. Сабиров Мандель
М. Шапо С. Мухомов
Ф. Горюхи

Александр Чарин

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

А. СЕРАФИМОВИЧ

СЕРЕЖА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

АНТОЛОГИЯ НЕГРИТЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

СОСТАВИЛ
И ПЕРЕВЕЛ
Р. МАГИЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

ДВА РАССКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

АРСЕНИЙ МИХАЙЛОВ

В.И. ЧАПЛЕВ В ПУГАЧЕВСКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

ЛИОН ИЛЬФ И ЭДЕН ГИТОВ

ПОЕЗДКИ ВСТРЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

НОВЕЛЛЫ

113 ЦИКЛА

„ТЫ СЯЧА“

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ПОВЕСТЬ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
№ 10 (1925)
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО»

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

Р 294
3522

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Перевод, предисловие и примечания

Анатолия Виноградова

Журнально-газетное объединение
Москва — 1936

2011146937

Ответ. редактор Еф. ЗОЗУЛЯ	Техред. Л. Свешникова
----------------------------	-----------------------

Издатель Журнально-газетное объединение.	Изд. № 251
--	------------

Уполномочен. Главлита Б—27408	Зак. тип. 604	Тираж 40 000
-------------------------------	---------------	--------------

Статфор. А ₅ —105×148 мм.	11/2 п. л.	Кол. зн. в 1 п. л. 44 800
--------------------------------------	------------	---------------------------

Книжка сдана в набор 1/IX 1936 г.	Подп. к печ. 15/IX 1936 г.
-----------------------------------	----------------------------

Типогр. и цинкопр. Жургаза, Москва, 1-й Самотечный, 17.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проспер Мериме жил от 1803 до 1870 года. Он был сыном художника Леонора Мериме и художницы Анны Моро. Ни великие события революции, ни политические волнения, ей предшествующие, ему не были знакомы. Одиннадцатилетним мальчиком он бегал к решетке Тюильрийского сада, чтобы смотреть на бородатых людей с пиками в островерхих шапках, с громадными красными, желтыми или синими лампасами на шароварах, спускающихся на черные смазные сапоги. Это были казаки, занимавшие вместе с оккупационным корпусом врагов Наполеона Париж.

Отец Проспера Мериме — художник Леонор Мериме — оставил по себе единственное литературное произведение — это его «Письма о масляной живописи», причем живопись древних времен, и особенно византийская и славянская, интересовали художника Леонора Мериме. Эти интересы отца, а затем непосредственные впечатления от встреч с русскими

людьми, создали у Проспера Мериме своеобразный интерес к огромной северной стране с многоплеменным составом населения, с убийственным административно-политическим гнетом царизма, с замечательной древней живописью, с удивительными народными сказаниями и песнями и с той литературой, которая, под конец, одна казалась достойной изучения. Когда в присутствии Гюго Проспера Мериме спросили — кого он считает величайшим поэтом мира, он не раздумывая и просто сказал: «Пушкина». Это не было экзотическое высказывание человека, стремящегося к оригинальности. Пушкина Проспер Мериме любил искренно и глубоко, и, повидимому, Пушкин отвечал ему тем же, назвав Проспера Мериме чуть ли не единственным достойным в тогдашнем упадке французской литературы. Как известно, «Песни западных славян» Пушкина были стихотворным переложением прозаической мистификации Проспера Мериме и, по свидетельству друзей Пушкина, величайший русский поэт «решительно поддался мистификации Мериме». Как известно, Боуринг написал диссертацию о славянских песнях и она была принята соответствующими органами, устанавливающими ученую степень. В данном случае взаимный интерес не был случайным. Тем более целесообразными являются отдельные издания текста статьи Проспера Мериме, посвященной Пушкину.

С 1827 года начинаются систематические встречи

Проспера Мериме с целым рядом русских друзей. Едва ли не первым был у него Мельгунов, затем он виделся с Яковом Толстым, который из декабриста превратился в охранника; затем он поддерживал неизменную и долгую дружбу с братьями Тургеневыми, он даже был одним из тех, кто участвовал в редакции французского текста «Защитительные записки Николая Тургенева — Николаю Первому». В предстоящей нашей публикации «Русские друзья Проспера Мериме» мы сообщаем все анекдотические записи, набросанные в дневниках под непосредственным впечатлением вечера, проведенного с Проспером Мериме. Этих двух Тургеневых французские исследователи довольно систематически путают с Иваном Сергеевичем Тургеневым, и на этом основании выводят целый ряд нелепых литературных «кренделей» о влиянии тургеневской новеллы на Проспера Мериме, хотя встреча с И. С. Тургеневым произошла ровно через 30 лет после встречи с Тургеневым — Александром Ивановичем.

В 1829 году Проспер Мериме встречается с С. А. Соболевским, знаменитым эпиграммами и дружбой Пушкина, и с того дня начинается внимательнейшее изучение русского языка. По рекомендации Соболевского и А. И. Тургенева Варвара Ивановна Дубенская, вышедшая замуж за второго секретаря французского посольства в Петербурге Теодоза Лагрина («Птичка», как ее называют в переписке Жуков-

ский и Тургенев), сделалась учительницей русского языка у Проспера Мериме.

Французская критика отрицала существование переписки Мериме с Соболевским. Кое-кому в Париже и сейчас выгодно отрицать наличие большой и напряженной дружбы Проспера Мериме с большими русскими людьми. Однако у Проспера Мериме бывали Баратынский, Смирновы, Лев Сергеевич Пушкин, Герцен, Волконские.

Посвятив дружбе Соболевского и Проспера Мериме отдельное исследование и дав первую на русском языке биографию Проспера Мериме, я отсылаю к этим работам тех, кто заинтересуется более подробными сведениями о предлагаемой статье.

С большими рекомендательными письмами Проспера Мериме Соболевский пустился в путешествие по Испании. Это были уже дни, когда забыты были первые потрясающие впечатления после смерти Пушкина. В предстоящей публикации мы рассказываем, что делалось в Париже за это время в кружке, ближайшем к основоположникам французского реализма, и как была встречена смерть Пушкина среди этих замечательных людей.

В 1849 году Проспер Мериме перевел «Пиковую даму», правда с ошибками, но это был прекрасный перевод. Затем пошли другие переводы. Но статья о Пушкине появилась только в 1868 году.

Насколько внимательно и серьезно изучал Проспер

Мериме Пушкина, мы видим из того, что ему были дороги каждые кусочки автографов Пушкина. К сожалению, дом на Лилльской улице № 52 в Париже сгорел во время майских боев 1871 года вместе со всеми рукописями Мериме.

Давая широкой массе читателей эту статью в нашей редакции, мы все обстоятельства, окружающие ее и чрезвычайно интересные, откладываем до полной публикации книги «Русские друзья Проспера Мериме».

Внешняя биография П. Мериме несложна: он путешествовал, писал много и четко и ради успеха литературной карьеры использовал то случайное испанское знакомство с семьей Монтихо, которое обеспечило Просперу Мериме сенаторское место в 1855 году, когда Евгения Монтихо стала женою Наполеона III.

Мериме—в литературе мастер короткого рассказа, проводник буржуазного реализма и в то же время материалист и законченный атеист, — в жизни был человеком компромисса, и его политическое поведение не внушает никаких симпатий. Этим между прочим объясняется беспринципнейшее примечание о пометках Николая I на полях пушкинского «Бориса Годунова». Экземпляр с копией пометок царя был показан Просперу Мериме Сергеем Соболевским. Тот же Соболевский принес в дар французскому другу оригинал «Гусара», найденный недавно в папках доктора Рекьена в Авиньоне.

Анатолий Виноградов

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

I

Пушкин и Байрон оба ушли из жизни в расцвете лет и таланта, но уже испытав все радости, какие только может дать литературная слава. Как тот, так и другой имели доминирующее значение в литературе своей родины. Несмотря на некоторый вред, принесенный им подражателями, следующие за ними поколения подтвердили суждение современников; слава обоих прочно установлена, и ни один критик не осмелился бы стереть их имена, занесенные на скрижали истории с именами величайших поэтов. Произведения их имеют некоторое сходство, этим сходством обладают также и их характеры. Оба поэта полны презрительного мизантропизма, отвращения к общественным условностям, и оба несколько склонны к преувеличениям; они стремятся в поиски необычного, считая прекрасным все выходящее из ряда обыкновенных явлений и все, наводящее ужас. Их веселость отличается шумливостью, некоторой принужденностью, почти яростью, уподобляясь

веселью зловещего пророка, который видит исполнение своих предсказаний.

Всем известны их «преступления» против общества, в котором они родились. Лорд Байрон ненавидел лицемерие (cant.) и салонное ханжество и реагировал на них трагически. Говорят, что Пушкин мечтал о свободе, к которой его страна не была еще подготовлена. Тем не менее салоны, которые называли Байрона безнравственным и сатанинским существом, одинаково льстили его тщеславию как своим негодованием, так и своим восхищением. Пушкин, бывший врагом деспотизма, нашел в императоре Николае цензора своих стихотворений, причем этот цензор относился к нему так же благожелательно, как мог относиться к Горацию Меценат¹. Англичанин и русский, которых баловали и вместе с тем побаивались современники, проявляли по отношению к современникам попеременно то недоверие, то безрассудство, но убедили людей своей эпохи в своей гениальности, и как два деспота, полные презрения, царили над своими подданными.

Отмечаю и другие черты сходства в их манере пи-

¹ Он жаловался на цензуру. Николай взял на себя прочтение и цензуру его творений. Один из моих друзей владеет списком драмы «Борис Годунов» с карандашными пометками императора, который ограничился лишь несколькими литературно-критическими замечаниями, большей частью справедливыми.

сать и даже, если можно так выразиться, в их поэтическом языке. Оба, например, отличаются сжатостью стиля и подобно Персию оба стремятся заключить в свои стихи «больше смысла, нежели слов». Тем не менее лорд Байрон, рожденный в стране, привычной к ораторству, где с речами выступают по всякому поводу и где часто пишут так же, как говорят, никогда не благоволил делать выбора между мыслями, теснившимися в его воображении. Несмотря на то, что он всегда дает им сжатое словесное выражение, он никогда не урезывает их количества и зачастую смешивает их вместе по мере рождения новых мыслей, так что главная мысль, переданная вначале с энергией, слабеет, принимает менее удачную форму и менее счастливый оборот. Питая слишком мало доверия к уму и воображению читателя, он хочет все объяснить ему; он комментирует самого себя, и наименьший риск, которому он себя этим подвергает, состоит в том, что он делает нас, так сказать, свидетелями процесса своего творчества вместо того, чтобы представить нам уже готовый результат его. Напротив, стихи Пушкина не менее сжаты по сущности, чем по форме, и всякое его стихотворение является плодом глубокого размышления. Как Пандар, гомеровский лучник, он долго разыскивает в своем колчане именно ту прямую и острую стрелу, которая неминуемо попадает в цель. Простота, а иногда некоторый внешний беспорядок являются у

него лишь расчетом утонченного мастерства. Байрон теряет часть своей силы, растрачивая ее случайно, Пушкин умеет приберегать ее для решительных ударов.

Пушкину пришлось бороться с некоторым затруднением, которое впоследствии превратилось для него в благотворный источник. Ему пришлось в некотором смысле создать язык, которым он писал. До него вопрос о том, можно ли писать поэмы на русском языке, еще стоял перед всеми нерешенным, и целая школа заслуженных критиков «по уважительным причинам» настаивала на том, что в поэзии надлежит пользоваться славянским языком, т. е. тем языком, на который были переведены церковные книги и на котором служилась литургия. Непонятный православным христианам, как называют русский людей, исповедующих эту веру, славянский язык отличается от грубого разговорного языка некоторым ароматом недоступности и торжественности, являющимися, быть может, следствием его необычного применения. К этому необходимо добавить, что по времени возникновения и по своему происхождению русский язык не является производным от славянского, как, например, новогреческий язык в отношении к древнегреческому; это — два наречия, возникшие из общего источника, две ветви, растущие из одного ствола и в своем росте развивающиеся совершенно особо; точно таким же образом фран-

пузский и итальянский языки происходят оба от латинского, но подчиняются различным законам трансформации. Некий генерал Шишков, которому приписываются красноречивые прокламации, призывавшие в 1812 году русских к защите своей территории, был главным защитником славянского языка; действительно, он умел ловко извлечь из него выгоду в стране, где патриотизм обычно смешивается с религиозным рвением. Несмотря на талант, который проявил генерал Шишков, отстаивая права славянского языка, русский язык восторжествовал именно благодаря Пушкину. Можно сказать, что он разрешил данный вопрос подобно греческому философу, который, двигаясь сам, опроверг отрицание движения. Со времени Пушкина стихи пишутся только на разговорном языке.

В России почти нет простонародных наречий и за исключением украинского языка, основного языка Украины, все прежние московские провинции говорят на одном и том же языке. Крестьянство не делает грамматических ошибок и зачастую выражается правильнее, нежели дворяне, которые в силу привычки пользоваться в разговоре французским языком, привили своему языку много галлицизмов и иных чуждых оборотов. Будучи богатым, звучным, живым по простоте ударений и бесконечно разнообразным в звукоподражаниях, способным к наитончайшим оттенкам, одаренным подобно греческому

языку могуществом почти безграничного творчества, русский язык кажется нам созданным для поэзии. Рифма, введенная иностранцами, бесполезна в языке, где каждое слово имеет отчетливый ритм, особенно у народа, который говорит словно поэт; но рифма всегда легка в русском языке, а благодаря прозодическому ударению, с которым она сочетается, она никогда не получает в стихе значения первенствующего признака. Прибавим к этому, что перестановка слов не делает стихов странными и не затемняет смысла, потому что словесная связность отмечается не порядком расстановки слов во фразе, но свойством характерных окончаний. Поэтому в русском языке не только возможны, но и применяются все стихотворные формы. Жуковский перевел роман «Ундина» древним гекзаметром; другие пользовались ямбическим или нашим александрийским стихом; но более всего славянскому гению свойственно стихотворное выражение в восьмистопном ямбе. Этим размером было написано большинство старых народных стихов. Они не рифмованы. В настоящее же время рифма не только принята к употреблению, но в стихе применяется также регулярное чередование мужской и женской рифм в том виде, в каком они существуют и у нас. Я называю мужской рифму, носящую ударение на последнем слоге; женской — рифму, в которой ударение падает на предпоследний слог в слове. Таким образом, «жена» (jeⁿà)

является мужской рифмой; «душа» (douïcha)¹ является женской рифмой. Пушкин чаще всего пользовался этим размером и сделал его, так сказать, классическим.

Является ли действительно для поэта моментом превосходства то обстоятельство, что он владеет гибким, гармоничным и звучным языком? Будучи профаном, я не смею высказывать своего мнения, но мне кажется, что в этих случаях поэты слишком часто поддавались искушению пожертвовать сущностью ради формы. Поэт довольствуется звуками вместо мыслей, и ему будет казаться, что цель искусства достигнута, если он доставит наслаждение слуху нескольких знатоков, сумевших оценить мелодию его стиха. Нередко случается, что совершенство какого-нибудь инструмента увлекает того, кто им владеет, и толкает артиста на тщательные, но бесплодные искания. Многие поэты принимают за мысли смутные образы, которые, по мере того как их утончают, становятся все менее понятными. Что касается меня, то я думаю, что необыкновенные качества русского языка являются косвенной причиной недостатка, частого у авторов, пользующихся наиболее мастерским языком. Легкость и вычурное же-манство, с каким они стремятся дать мельчайшие

¹ Мериме bona fide делает тут несомненную ошибку в ударении, во всех французских изданиях напечатано douïcha. Прим. ред.

детали и почти неуловимые оттенки, приводят их к формам кокетливой и жеманной грации, которая во все не является конечной целью искусства. Зачастую они тонут в этом жеманстве. Фарнезине показали колоссальную голову, нарисованную карандашом Микель Анджело, который, если верить традиции, захотел дать урок Рафаэлю и научить его тому, что всегда следует стремиться к великому. Никто не написал красками столь прекрасного турецкого ковра, как Жерар Доу, хотя он, несмотря на это, остался жанровым художником. Я настаивал на существовании этого национального недостатка русской литературы потому, что Пушкин никогда не поддавался ему, несмотря на всевозможные соблазнительные примеры и искушения. Его трезвость, его такт в выборе главнейших черт трактуемых им сюжетов, умение жертвовать лишними подробностями оценены были бы в качестве значительной заслуги в любой стране, но особенной заслугой эти свойства являются для русского писателя. Пушкин всегда пользовался правилом Горация:

*Nos amet, nos spernat, promissi caininis auctor*¹.

Несмотря на то, что Пушкину были известны все источники, все удивительное богатство своего языка, его мысль выражается всегда в такой простой фор-

¹ Это возлюбит, а то да ненавидит создатель обещанной песни.

ме, что кажется невозможно выразить ее иначе. Говорят, что, по примеру Мольера, он часто советовался со своей старой няней и старался пользоваться лишь теми словами, которые встречались в обиходе у его соотечественников как дворян, так и крестьян.

Я слышал ¹, что его первым литературным опытом была маленькая антирелигиозная и в достаточной мере неприличная поэма под заглавием «Гаврилиада». Гавриил — русское наименование архангела, которого мы зовем Габриэль. Эта поэма, насколько мне известно, никогда не была напечатана; я не читал ни одной ее строки, но по тому, что я о ней слышал, она является подражением «Войне богов» Парни. Легкий и мастерский оборот стихов, именные образы и юношески дерзкие картины все же не могли обеспечить Пушкину прощения за вольность сюжета и способы исполнения. Надо вспомнить, что Санкт-Петербург, заимствующий свои моды у Парижа, несколько отстает от него, так что богохульная поэма Пушкина нашла читателей в ту эпоху, когда подобное произведение в самой Франции произвело бы уже впечатление самого дурного вкуса. Но она понравилась поклонникам сенсуалистической философии, проникшей из придворной сферы Екатерины II в высший свет. Однако к тому времени многие уже

¹ От своего друга О. А. Соболевского Мериме не только слышал, но и узнал содержание «Гаврилиады» и существенные черты биографии А. С. Пушкина. Прим. ред.

стали раскаиваться. Для того чтобы сражаться с революцией, новое оружие потребовалось от религии. Старая аристократия поняла, что ей следует проявить большую строгость по крайней мере на словах, но она начала с того, что смешала вместе, подведя под одну анафему, оба понятия: и безбожие, и якобинство. Благодаря «Гаврилиаде» автор ее стал пользоваться славой революционера помимо славы человека безнравственного, что в России считалось немного менее опасным, чем первое. В течение всей своей карьеры ему пришлось нести последствия своей ранней школьной шалости. Осужденный ранее святошами, а также людьми, которым было выгодно прослыть таковыми, он, не скрывая, высказывает в своих произведениях гневное раздражение против общества, первое суждение которого в отношении к нему, надо сознаться, вовсе не отличалось крайней несправедливостью. Более законного успеха, успеха, за который ему не приходилось краснеть, он достиг около 1820 года, напечатав поэму «Руслан и Людмила». Эта поэма также была подражанием, но более мастерским, чем первое, она имела источником произведения, пользовавшиеся неоспоримым авторитетом. Пушкин вдохновился Ариостом и главным образом Вольтером, язык и ум которого были ему самому более свойственны. Подобно своим учителям Пушкин проявляет веселость, изящество, изысканную и легкую иронию. Покровительствуя подражательной

поэзии, Аристархи того времени отнеслись к нему почти благосклонно; они увидели в этом признак скромности, достойный поощрения; быть может, они оказались бы безжалостными в отношении к оригинальному произведению. В Риме никогда никто не осмелился бы писать по-латыни, не прикрываясь авторитетом какого-либо из греков. Санктпетербургские литераторы требовали, чтобы прообразом произведений служил какой-нибудь французский или немецкий тип. В настоящее время наиболее примечательной чертой «Руслана и Людмилы» нам кажется попытка заимствования из народных верований России, пружины менее изношенной, нежели пружины греческой мифологии, вне которой в 1820 году «не предвиделось спасения». В те времена такая попытка граничила с дерзостью, так велика была нетерпимость классической школы.

Пушкин стремился уйти с проторенных дорожек. Живя в среде аристократии, он захотел проникнуть в интимные стороны жизни крестьянина. Выбираясь из классической колеи, молодой поэт рисковал попасть в одну из рытвин романтизма и, вероятно, ему понадобился бы больший опыт, нежели тот, которым он обладал тогда, чтобы отыскать истинную поэзию среди прикрывающих ее бесформенных и странных традиций. Часто бывает так, что истинные жемчужины оказываются погребенными под «пашенным удобрением» народных легенд, но их редко можно

найти на поверхности. Намерение его было похвально; но он был неправ, изучая лишь очень поверхностно и как бы с презрением старые предания, которые он собирался обновлять. Надо сказать, что языческая мифология, о которой славянские крестьяне сохранили воспоминание до настоящего времени, гораздо менее известна самой России, чем греческая мифология, и даже антиквариаты, наиболее влюбленные в национальные сказания, яснее представляют себе Юпитера и Меркурия, нежели Чернобога или Перуна. У крестьян славянский Олимп путается в представлениях с образами легендарных серых волков и привидений. Древние северные боги суть весьма слабо обрисованные существа в силу отсутствия поэтов, воспевавших их, и художников, их изображавших. Они способны еще возбудить некоторое подобие страха, но не имеют никакой установленной физиономии.

Правду сказать, самый мрак, окружающий эти чудовищные образы мог бы стать поэтическим, если бы они умели пользоваться тем подлинным искусством, доказательство которого дали нам Гофман и Гоголь в своих фантастических сказках. У самого заядлого скептика бывают моменты суеверного ощущения, и тогда все чудесно, в какой бы форме оно ни явилось, может найти отклик в человеческом сердце. Тем не менее первым условием для эксплуатации нашей доверчивости является вера. Нынче

вечером, лежа в постели и читая разные истории о привидениях, я буду вздрагивать при малейшем скрипе половицы, если только автор окажется подобно мне легковверным и трусливым. Если же он будет стремиться выказать себя человеком без пред-
рассудков, то прощай страх. Ошибкой Пушкина, пользовавшегося народными суевериями для своей поэмы было то, что он взял их со смехотворной стороны и дал всей своей повести иронический по-
ворот. Такова же была и манера Гамильтона. Без сомнения его волшебные сказки прелестны, но лично я больше люблю сказки Перро. Заметьте еще, что Гамильтон забавлялся фантастикой, уже довольно изношенной, и лучшего употребления ей нельзя было и придумать. Пушкин, напротив, сделал открытие неизвестных залежей, ибо в те времена высшее санктпетербургское общество никогда не слыхало о славянских древностях; но сам он при этом не понял всего значения своего открытия и рассматривал его с несколько презрительным любопытством пассажира-европейца, причалившего к острову, населенному дикарями. Для того чтобы судить о чудесном XIX веке, не следует, по моему мнению, заручаться руководством Ариоста. Пушкин, однако, обратился именно к нему. Несколько лет тому назад в такое же заблуждение впал Бекфорд, человек очень высокого ума. Он лучше всех своих современников знал арабский язык и изучил в совершенстве все обычаи

и сказания Востока. Свое огромное знание он вложил в написанный им роман «Ватек», но вместо того, чтобы придать своему творению широкую и серьезную форму, которой оно было достойно, Бекфорд шутливым тоном, мастерски подражая Гамильтону, рассказывает самые мрачные и ужасные восточные легенды.

Пушкин в «Руслане и Людмиле» обнаруживает себя недоверчивым эпикурейцем, не умеющим сохранять серьезности при рассказывании своих сказок. Он показывает нам своих великанов наряженными, как пугала, они теряют почти все свое достоинство, как только перестают внушать страх. Темной ночью ведет он своего героя через степи и приводит его к одной из древних насыпей, называемых курганами, оставленных в долинах России каким-то неизвестным племенем. Внезапно конь Руслана останавливается, щетиня гриву. Я ожидаю появления какого-то ужаса, я уже начинаю разделять страх скакуна. На вершине насыпи оказывается голова заснувшего великана. Это слишком напоминает пироги, начиненные куропатками, высовывающими свои головы из-под верхней корки. Чтобы разбудить его, Руслан щекочет концом копья его ноздри; великан чихает, степь сотрясается, но... конец всему чудесному. Кто же испугается чихающего великана? Эта фантазмагория стоит не больше, нежели картонные тигры, которых

китайцы расставляли на своих крепостях, чтобы воспрепятствовать нападению наших солдат.

Позднее Пушкин нашел стиль волшебной повести, и некоторые из его баллад являются высокими образцами этого жанра. Чувствуется, как пристально он изучал и подмечал приемы народных рассказчиков. По их примеру он становится доверчивым, превращается в ребенка; но он принуждает также и своего читателя испытывать превращения вместе с ним. В таких рассказах я люблю главным образом его трезвостью и искусством, с которым он выбирает наиболее разительные черты, пренебрегая многими подробностями, которые могли бы повредить иллюзии. В самом деле, в историях с привидениями всегда необходим некоторый мрак. Заметим также, что во всех его рассказах мы встречаем черту, которая поражает и не забывается: главная задача, разрешить которую стремится Пушкин, — это найти необходимую основную черту.

В одном из северных замков Англии гости, расходящиеся после полуночи по своим комнатам и проходящие по одному из коридоров, всегда слышали, что за ними следует кто-то, обутый в мягкие туфли. Но если случалось оглянуться, то никого не было видно. Эти мягкие туфли имеют особый смысл. Рассказчик чувствовал, что башмаки или сапоги не произвели бы такого же впечатления. Всякая крупная ложь нуждается в хорошо оформленных подроб-

ностях, в силу которых она становится приемлемой. Вот почему наш учитель Раблэ оставил после себя прекрасное правило: «Лгать нужно только в нечетном числе». Если выбор подробностей неудачен, всякая иллюзия утрачивается. Один матрос рассказывал, что видел призрак своего капитана, убитого за несколько дней перед тем: «Он выходил из большого люка в своей трехугольной шляпе»...

— «Расскажи это солдатам, — перебил рассказчика один из его товарищей: — Частенько случается видеть призраки, но никогда не бывает призраков в трехугольных шляпах».

«Кавказский пленник», последовавший вскоре после выхода «Руслана и Людмилы», показывает, что в манере Пушкина произошла довольно значительная перемена. Оставив героев древности, он ищет сюжета в окружающем нас мире. Тем не менее он все еще полон юношескими и романтическими идеями, и его характеры являются скорее условными, нежели естественными. Кроме того, можно видеть, что он проникнут пламенным поклонением Байрону и бросается по его следам с легкомыслием неофита, присягающего божеству. Подобно своему учителю он изучает восточную природу; он едет на Кавказ, этот русский Алжир, угнетаемый яростной войной, конца которой ему не было суждено видеть. Фабула поэмы очень проста и не отличается новизной. Русский офицер, попавший в плен к черкесам, был

утешен в плену, а затем освобожден из плена чеченской¹ девушкой, которая, зная, что его сердце полно любовью к другой, бросается в поток, проводив пленного до первых казачьих постов. Чувствуются перепевы «Гаяура» и второй песни «Дон-Жуана»; но эти перепевы, однако, мастерски закрыты новыми красками. К несчастью, его герои говорят и действуют совсем, как в романах. Молодая черкешенка оказывается близкой родственницей Гюльнэры и Гаидэ, и видеть эту прекрасную особу можно лишь глазами воображения, и то лишь в двадцатипятилетнем возрасте. Описание местности и природы сделано чрезвычайно точно, так как автор умеет не только видеть, но и выбирать материал в расстилающемся у него перед глазами ландшафте. В этом опять-таки сказываются такт и трезвость, характеризующие Пушкина.

Будучи еще очень молодым, он умел повелевать своим воображением, умел сдерживать себя, погравлять самого себя. Это не Мазепа, привязанный к дикой лошади, это — всадник, прекрасно сидящий в седле, заставляющий своего коня скакать в ту сторону, в какую он хочет. Мне кажется, что теперь слишком многие презрительно смотрят на труд и относятся с уважением только к результатам непосредственных вдохновений. Конечно Пушкин не

¹ У Мериме par une jeune fille tchetchenge. Прим. ред.

страдает от недостатка вдохновения, но оно контролируется строгим вкусом, горячей любовью к совершенству, к четкой работе ювелира.

II

Влияние Байрона на Пушкина было долговременным; благодаря ему возникло несколько замечательных произведений, которые я не решусь назвать подражаниями. Будет правильнее сказать, что русский поэт пробует свои силы на той же почве, на которой еще до него англичанин успел проявить себя. Байрон, забывший на время свои сильные страсти, выпустил накануне «Дон-Жуана» прелестную поэму «Беппо», полную английского юмора и вместе с тем такую правдивую в изображении итальянских нравов.

«Домик в Коломне» и «Граф Нулин» являются прелестными картинками того же жанра, не менее изящными, чем их предшественница — байроновская поэма. Кроме стихотворной формы и общего тона произведений Пушкин ничего не позаимствовал у Байрона. Выведенные им характеры являются подлинно русскими и обладают всеми чертами естественности. «Домик в Коломне» повествует о треволнениях некоей доброй вдовы, матери красивой молодой девушки, ищущей прислугу для домашней работы. К ней приходит наниматься девушка, рослая, сильная, несколько неловкая и неумелая, но

согласная на предлагаемое жалованье. К тому же хозяйская дочь принимает на себя ввести ее в курс дела и помогает ей всеми силами. Однажды вдову, стоящую за обедней, вдруг охватывает опасение, что служанка натворит каких-нибудь бед в хозяйстве; она спешно возвращается домой и застает ее перед зеркалом за бритьем.

Граф Нулин, возвращающийся из путешествия по Европе, вынужденный поломкой экипажа остановиться в дороге, находит гостеприимство в замке некоей молодой женщины, испытывающей легкое пренебрежение мужа, думающего только об охоте. Граф весьма высокомерен, молодая женщина скучает в невольном одиночестве; понятно, что сам чорт толкает их на искушение; но добродетель торжествует, и граф Нулин, желавший разыграть Тарквиния, не получает ничего, кроме нескольких царпин. Пушкин набросал прелестную вышивку на этой легкой канве. Повесть постоянно чередуется с замечаниями автора. Быть может и в этом можно найти подражание, но если это так, то честь изобретения подобного рода произведений, в которых автор по поводу немногого говорит обо всем, принадлежит не Байрону. Стерн в своем «Тристреме Шенди» уже ввел в моду этот род постоянного комментирования, пересыпающего текст самого простого рассказа. До Стерна Раблэ с вдохновением и оригинальностью своего несравненного стиля создал сатиру на цер-

ковъ, на двор и на всё общество, так что заслушавшись можно стоя задремать под его сказку.

Мне кажется, что не было бы ничего невозможного в оспаривании у Пушкина славы открытия и первого обращения к древности с тем, чтобы в ней отыскать свои образцы, если бы в произведениях этого жачра самым важным, скажем, даже единственным, достоинством не являлся способ выполнения. Никто кроме Пушкина не умеет рассказывать так остроумно, никто так мастерски не соединял артистической, но честной сатиры со справедливыми и тонкими наблюдениями нравов и характеров; никто, наконец, не касается с большей осторожностью положений, которые под менее мастерским пером привели бы в ужас даже нешутливых читателей. Однако ввиду встречаются особы изобретательные, как мольеровские жеманницы, способные найти в книге скандальные намерения, которых вовсе не имел автор. Враги Пушкина читали между строк и вычитывали в его поэмах множество богохульных, безнравственных и революционных вещей. Странно, что те, кто по всякому поводу выступает с высокопарными речами о пороках своего века, яростно набрасываются на произведения авторов, смотрящих так же на человеческую природу. Правду говоря, литераторы находятся в весьма затруднительном положении. Нарисуйте людские пороки, слабости и страсти, и вас станут обвинять в желании совратить с пути истинного ва-

ших современников. Даже невзирая на то, что вы предоставляете дьяволу увлечь Дон-Жуана в преисподнюю, все будут убеждены, что вы ведете подкоп под религию.

Некогда человеческое сердце все целиком было достоянием поэтов. Теперь же люди во всем соблюдают осторожность. Запрещено изучение некоторых страстей; запрещено, например, изучать любовь, так как она зачастую бывает безнравственна. Никогда не наделяйте никакими приятными качествами героя, который грешит против всех десяти заповедей: вам скажут, что вы подтачиваете основы общества. Уже Плутарх натворил достаточно зла со своими так называемыми великими людьми. Главное — никогда не осмеливайтесь смеяться над ханжами и лжефилантропами, ибо вы сразу наживете себе много врагов.

Достигнув апогея славы, Пушкин презирал своих критиков и не пытался оправдаться от обвинения в безнравственности, которое, как говорят, даже доставило ему некоторый успех в среде простодушных добряков, ибо всегда находятся люди, стремящиеся обращать на путь истины заблудшихся. Но его враги не ограничились тем, что всячески чернили его характер, они утверждали, что тот русский язык, которым он писал, не отличается чистотой. — Ведь нашелся же некий Зоил, уверявший, что Гомер не знал греческого языка! — Этот упрек со стороны людей, которые сильно затруднились бы доказать

свою компетенцию, тем не менее, повидимому, сильно огорчал и раздражал поэта. Несколько лет назад его брат с горечью говорил мне об этом¹. Следы огорченности и досады Пушкина чувствуются сильно в его переписке, в заметках о своих произведениях и о некоторых журнальных статьях. Лукиан, бывший профессиональным философом, человеком большого ума, греком по происхождению и, следовательно, отличавшийся красноречием, совершенно потерял голову, потому что какой-то педант вздумал упрекать его за какое-то слово не чисто греческого происхождения. Он называл своего критика вором, отцеубийцей, кровосмесителем и прочими бранными словами. Обратитесь к Апофраду (впрочем, я говорю это не для дам). Пушкин оказался менее резким в полемике, нежели Лукиан, но все происшествие вызвало в нем большее раздражение, чем оно того стоило.

Мы видим, что Пушкин искал вдохновения в иностранных источниках и взял себе проводника не для того, быть может, чтобы иметь руководителя, но для того, чтобы подкрепить себя подобно тем, которые плывут особенно хорошо, если знают, что за ними следует лодка. Поэма «Цыганы» показывает

¹ См. Комментарии. Литературно-биографические даты, 1851 год. Изд. Русск. и Миров. классики — Мериме. А также «Мериме в письмах к Соболевскому». М. 1928 г. А. К. Виноградов. Прим. ред.

нам Пушкина уже более уверенным в себе и проби-
вающим себе путь на свой риск. Это — отрывки,
следующие друг за другом без всякого перехода;
порой они выливаются в форму коротких рассказов,
порой — в диалоги, иногда вперемежку с лириче-
скими частями. Никаких подробностей, никаких рас-
суждений, несколько спешных описаний, но все вре-
мя увлекательное действие. Я не знаю произведения
более скупого, если только этим выражением можно
воспользоваться для похвалы; из этой поэмы нельзя
выкинуть ни одного стиха и ни одного слова; каж-
дое из них имеет свое место и свое назначение, и
тем не менее внешне все это полно совершенной
простотой и естественностью; искусство раскрывает-
ся лишь при полном отсутствии бесполезных укра-
шений.

Человек общества, живший в свете и изгнанный
оттуда, находит приют среди цыган. Вероятно, чер-
ные глаза Земфиры, дочери главара табора, сыграли
некоторую роль в выборе его убежища. Вскоре ме-
жду Земфирой и пришельцем заключается брак или
вольный союз. Я не столь педантичен, чтобы спра-
шивать у Пушкина, в каком племени он видел, что-
бы цыганки брали из своего рода своих буснэ, т. е.
мужа, чуждого их расы. Впрочем, говорят, что при-
меры этому бывают. Отшельник с наслаждением
дышит свободной праздностью цыган. Земфира ду-
мает о городах: городские женщины так хорошо

наряжаются! Алеко — это было имя ее мужа — в конце нескольких месяцев связи замечает, что он более не любим. Это его огорчает и сердит. «Утешься, — говорит ему отец Земфиры, — любовь для тебя является страданием и печалью; для сердца женщины — это развлечение¹. Взглянем на небесный свод, по которому луна бродит совершенно свободно. Лишь мимоходом она изливает свой свет на всю природу. Замечая какое-нибудь облако, она внезапно озаряет его своими лучами; но вскоре переходит к другому и нигде не задерживается долго. Кто ей укажет постоянное место на небе? Кто ей скажет: оставайся здесь? Кто скажет девичьему сердцу: люби только один раз, никогда не изменяй?»

Уверившись в неверности цыганки, Алеко убивает ее вместе с возлюбленным. Табор в оцепенении. Неподвижный и удрученный своим отчаянием, убийца ожидает мщения цыган. Отец Земфиры, зарыв обоих любовников в могилу, вырытую на глазах Алеко, обращается к нему со словами:

Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим,
Не нужно крови нам и стонов;

¹ См. Траар. «Биография Мериме», т. III, Париж, 1928: указание на то, что «Кармен» по сюжету заимствована из «Цыган» Пушкина. Прим. ред.

Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас.
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; оставь же нас,
Прости! Да будет мир с тобою.

Табор спешно снаряжает свои телеги и оставляет Алеко одного в пустынной степи.

Мне кажется, что в этой развязке заключается огромный эффект, и ужас кочевников, бегущих от убийцы, является картиной гораздо более страшной, нежели изображение самого утонченного мщения. По моему мнению «Цыганы» являются самым точным выражением манеры и гения Пушкина. Простота фабулы, умелый выбор деталей, чудесная сдержанность исполнения. Французский язык не обладает возможностью передачи сжатости пушкинского стиха. Образы, данные Пушкиным, всегда полны правды и жизни, скорее намечены, чем развиты до конца, но все это сделано с истинно эллинским вкусом, повелевающим вниманием читателя. Изложение поэмы, описание местности и жизни цыган занимают всего семнадцать стихов, но, несмотря на это, скажите, — разве картине чего-нибудь нехватает? ¹

¹ Мериме дает прозаический перевод, оговариваясь: «Даю перевод начала поэмы, по мере моих слабых сил буквальный». Прим. ред.

Цыганы шумною толпой
По Вессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность весел их ночлег
И мирный сон под небесами.
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Все живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалекий,
И песни жен, и крик детей,
И звон холодной наковальни.

Тот, кто видел цыганский табор, вероятно, признает правдивость этого описания; здесь все списано с природы, кроме, быть может, медведя, который у нас заменяется обезьяной или ученым ослом. Вот еще описание похода табора, описание, сделанное графически и вместе с тем очень сжато:

Все вместе тронулось: и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар, и млад во зред идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,

Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собаки лай и завыванье,
Волынки говор, скрип телег —
Все скудно, дико, все нестройно.

Под названием «Борис Годунов» Пушкин написал историческую драму, по форме похожую на драмы Шекспира; в ней он описывает приключение Лжедмитрия. Характеры драмы, и в этом ряду характер Бориса Годунова, хорошо очерчены; но, принуждая себя слишком близко следовать официальным историческим источникам, Пушкин часто жертвует действием и драматическими эффектами. Будет правильнее думать, что это произведение было написано не для сцены. Под официальными историческими источниками я разумею историю, написанную цензурой пушкинского времени, ибо я имею веские причины полагать, что обманщиком не был расстриженный монах Григорий Отрепьев, которого русская церковь еще до сих пор проклинает за преступление, в коем он, мне кажется, совершенно неповинен. Моим самым большим доводом является моя собственная историческая работа на эту тему, в ней, я уверен, мне удалось доказать, что Лжедмитрий был казаком или поляком; но я сговорчив и готов пойти на все гипотезы, если только у самозванца не будут отняты чувства и характер, соответствующие той роли, которую он сыграл. К несчастью, пушкин-

ский Григорий Отрепьев обрисован лишь очень смутно. Мне кажется, что этот странный герой, предшественник Петра Великого, которому, быть может, для удачи и для занятия места в ряду государей следовало бы обладать свойствами большей осторожности и меньшей мягкости, мне кажется, что этот герой мог бы быть изображен гораздо лучше. Я обязан привести здесь прекрасную и сильно драматическую сцену. Самозванец, уже признанный в Польше, где в замке воеводы Мнишка с ним обходились, как с сиятельным князем, влюбляется в дочь воеводы прекрасную Марину. Все это вполне согласно с историей, но дальше начинается роман. Самозванец думает, что он любим, и в минуту откровенности посвящает возлюбленную в свою тайну. Марина любила царевича, к Отрепьеву она относится с омерзением женщины высшего общества, оскорбленной признанием плебея. Тогда Отрепьев, как бы внезапно разбуженный, снова вспоминает свою роль. Он говорит ей:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.
Царевич я. Довольно. Стыдно мне
Перед гордою полячкою унижаться.

.

Но, может быть, ты будешь сожалеть
Об участи, отвергнутой тобой.

М а р и н а

А если я твой дерзостный обман
Заранее пред всеми обнаружу?

О т р е п ь е в

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что более поверят польской деве,
Чем русскому царевичу? Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я или нет — что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, поверь, молчать заставят.
Прощай.

М а р и н а

Постой царевич! Наконец

Я слышу речь не мальчика, но мужа,
О тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но слушай:
Пора, пора! Проснись, не медли боле,
Веди полки скорее на Москву;
Очисти Кремль, садись на трон московский —
Тогда за мной шли брачного позла...

Кажется совершенно очевидным, что Марина вышла замуж за самозванца лишь для того, чтобы стать царицей, но ее честолюбие было значительно менее, чем нам его рисует Пушкин. Судя по ее поведению, по письмам, которые были от нее получены, видно, что это была особа весьма пустая, тщ-

славная и подобно своему отцу свято верившая в легенду самозванца, который, говоря в скобках, кажется, сам никому никогда не доверялся.

Драма заканчивается смертью вдовы и сына Бориса; при этом, однако, Пушкин не коснулся другого положения, которое все же кажется мне вполне достойным его пера.

Марфа, вдова Ионна Грозного и мать подлинного Димитрия, была монахиней в Троицком монастыре в то время, как самозванец короновался в Москве. Она не могла сомневаться в смерти сына, ибо он испустил дух у нее на руках, она была убеждена, что он был зарезан по приказанию Бориса. Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как настоящий Димитрий поконился в могиле. Самозванец вошел в Троицкий монастырь, увидел Марфу и пробыл с нею наедине полчаса. После этого он вышел из монастыря рука об руку с нею. Перед всем народом Марфа плача бросилась к нему в объятия, и никто более не сомневался в том, что она была ему матерью. Никто не узнал тайны этого свидания, но я думаю, что поэт мог бы угадать ее и написать прекрасную сцену.

Пушкин оставил после себя несколько прозаических произведений и повестей, из которых некоторые, например «Капитанская дочка» и «Пиковая дама», во всех отношениях совершенны; он оставил также немало критико-литературных статей и историческое исследование о Пугачевском бунте. Пуга-

чев, как известно, был казак, который по примеру Лжедмитрия пытался выдать себя за царя, смерть коего была весьма таинственна. Имя этого царя — Петр III. Прикрываясь этим именем, Пугачев поднял уральских казаков, башкир и крестьян южных русских губерний. Говорят, что император Николай сам дал Пушкину поручение написать историю этого отважного разбойника, который разгромил Казань и истребил тысячи дворян, ибо в сущности он был руководителем русской «жакерии». Быть может, император хотел исцелить поэта от его революционных склонностей и поэтому заставил его описывать кровавые сатурналии восставших рабов? Быть может, поручая ему официальную работу, царь хотел таким способом как бы завладеть Пушкиным? Это мне в точности неизвестно. Но Пушкин сильно разочаровал тех, кто возвещал, что из императорского задания получится новая поэма. Он добросовестно изучил тему, сопоставил множество мемуаров, перерыл архивы тех губерний, которыми проходил Пугачев, и результатом его работы явилось повествование холодное, как протокол, составленный секретарем суда присяжных. Правда, благодаря этим занятиям мы имеем «Капитанскую дочку», небольшую повесть, где Пугачев играет немаловажную роль и где о нем можно узнать больше, нежели из официальной истории.

Я не буду говорить о поэмах, например, о «Братьях

разбойниках», «Мазепе», «Медном всаднике», «Бахчисарайском фонтане», ибо спешу перейти к самому главному произведению Пушкина, — произведению, которое одно могло бы дать полное представление о его гении и показать различные его трансформации. Речь идет об «Евгении Онегине». Если бы дело касалось картины, то я сказал бы, что она была началом во второй манере мастера и закончена в последней, т. е. в апогее его таланта. Первые песни являются прекрасно руссифицированным подражанием «Дон-Жуану» Байрона. Последние отличаются совсем иным характером, и можно сказать, что насмешник, безжалостный скептик уступил место нежному и страстному существу. Отыскивая долгое время в человеческих сердцах пороки и низости, чтобы бичевать и осмеивать их, он неожиданно для себя замечает, что наряду с этими постыдными явлениями человек все-таки отличается высокими чертами. Он становится поэтом великого и прекрасного, как только делает это открытие.

Евгений Онегин — красивый молодой уроженец Санкт-Петербурга, в нем сочетаются все недостатки его поколения, а вместе с тем в его сердце есть какие-то высокие чувства и даже некоторая доза философии. Одно время он царствует в мире моды, но потом эти легкие успехи надоедают ему; свет вызывает в нем скуку и, пресытившись всем еще до тридцатилетнего возраста, он едет жить в деревню,

где соседи, оскорбленные его чувством превосходства, смотрят на него весьма косо. Одного из этих соседей он, однако, отличает; это — юный Ленский, возвратившийся из немецкого университета, полный энтузиазма и высших устремлений. Система Шопенгауэра не была еще тогда готова. Поэтическая наивность Ленского развлекает Онегина, который любит его, несмотря на постоянные высмеивания друга. Ленскому все кажется прекрасным, и он огорчается тем, что его друг имел столь печальный опыт в знании жизни и людей. «Веселость сердца растет, если распространяется кругом». Ленский, влюбленный в одну из соседних барышень, хочет сделать Онегина свидетелем своего счастья и почти насильно везет его в очень патриархальную и провинциальную семью своей невесты. В этой семье две девушки-невесты. Татьяна, сестра невесты Ленского, застенчива и сдержанна; не смея вымолвить слова, она вся поглощена холодным спутником своего будущего зятя; в нем она видит воплощение того героя, о котором она столько слышала.

Татьяна — это вулкан, покрытый снегом. Невозможно вообразить ничего более изящного, чем эта молодая девушка, страстная и целомудренная, умная и доверчивая, гордая и застенчивая, живущая своими мечтами. Но почему же Онегин не открывает сразу этот бриллиант, скрытый минеральным покровом? Почему? Потому, что он жил лишь искусственной

жизнью и видел лишь умело выточенные образы. Он не знал никого, кроме красивых кукол, одеваемых лучшей модисткой и воспитанных в одной из тех школ, где, по словам mistress Malaprop, барышни учатся «некоторой невинности и искусственности». После многих колебаний и сомнений страсть берет свое, Татьяна пишет Онегину признание в любви. «Она писала ему по-французски,—говорит Пушкин,—так как по-русски невозможно написать письма». Это — эпиграмма по адресу одного из его критиков. Письмо Татьяны написано превосходным русским языком и весьма трогательно. Онегин удивлен. Он не имеет ни малейшего желания жениться на ней; он мог бы соблазнить ее, но, будучи в глубине сердца честным человеком, испытывает некоторое удовольствие, очутившись в положении, обратном тому, которое было свойственно всей его жизни. Какой-нибудь генерал, совершивший множество походов из любви к разнообразию, с особым удовольствием ведет осаду. Онегин очень вежливо заявляет Татьяне, что он не отвечает ее чувствам, и после нескольких общих мест отеческой морали удаляется, весьма довольный своим поведением светского человека, оставляя смертельно раненое сердце девушки.

Ленский несколько обижен тем, что его невеста и ее семья не были лучше оценены Онегиным. Между ними возникает некоторый холод и неприязнь; затем у одного из них вырывается оскорбительное слово,

на которое другой отвечает. Благодаря друзьям, весьма щепетильным в вопросах дружеской чести, дело становится серьезным, назревает дуэль, в результате которой Онегин убивает Ленского. После этого он принужден на несколько лет покинуть Россию. Он возвращается, созрев от горя, смягченным в отношении к людям, менее эгоистичным и более серьезным. Появившись на большом вечере, он замечает молодую женщину, замечательную по красоте и гордой осанке. Это — московская львица. Но ее не касается злословие. За время долгих путешествий Онегин забыл всех девушек, обещавших стать чем-то в жизни, и обращается к своему родственнику, старому, всеми уважаемому и любимому генералу. «Как! Ты ее не знаешь? Это — моя жена... Разве ты уже забыл свою деревенскую соседку, Татьяну? Пойдем, я тебя представлю». Татьяна принимает его без всякого смущения; она не проявляет ни жеманства, ни смелости, но вежлива, любезна, даже приветлива. Она кажется совершенно спокойной, в то время как Онегин не может притти в себя при мысли, что маленькая провинциалка так быстро превратилась в светскую даму. Он начинает жалеть о былой холодности. Нужно ли прибавлять, что вскоре он серьезно влюбляется в Татьяну? Но теперь его встречает сильное сопротивление. Генерал не ревнив и относится к жене с полным доверием, а она очень осторожна и пользуется своим недавно приобретенным

знанием света, чтобы избежать опасности, не показывая, что она боится или хотя бы подозревает о ней. В свою очередь Онегин пишет ей, посылает ей письмо за письмом, но ни на одно из них не получает ответа. Придя в отчаяние, он однажды проникает в комнату Татьяны и застаёт ее в слезах, за чтением его писем. «Вы знаете мою тайну, — говорит она ему, — я вас любила всегда, но теперь я замужем. Прощайте навсегда». На этом кончается поэма.

Я уже отметил подражание «Дон-Жуану» в первой части пушкинского произведения, напечатанной за несколько лет до второй; в дальнейшем развитии поэмы не остается и следа этого подражания. Все характеры очерчены с чудесной правдивостью. Ни в чем нет натянутости, принуждения, все легко, просто, но одето покровом замечательного колорита. Француз не может вполне оценить стихи Пушкина, но нет ни одного образованного русского, который не знал бы наизусть почти всех стихов «Евгения Онегина».

Если было бы нужно выразить в нескольких словах характер пушкинских поэм, то следовало бы отметить простоту композиции, сжатость деталей и, главное, замечательный такт, с которым они выбирались. Такова же манера его лирики, в которой Пушкин еще более великолепен. Хотя и невозможно переводить стихи, и особенно лирические стихи, презренной прозой, я попытаюсь привести пример

его манеры. Несмотря на все несовершенство моего перевода, он позволит мне дать оценку рельефов пушкинского гения лучше, нежели я сумел бы это сделать в длинной диссертации. Я начну с одного очень известного стихотворения, озаглавленного «Анчар»¹. Анчар — это название индийского дерева, сок которого, как говорят, содержит в себе смертельный яд. Жители Востока рассказывают о нем много чудес; не знаю, известно ли что-нибудь о нем ботаникам.

В пустыне чахлой и скупой,
На почве зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит один во всей вселенной.

Рамка этого стихотворения узка, но картина вполне закончена и кажется мне полной изумительной величавости. Вот еще короткий отрывок, в котором Пушкин описывает одну ужасную сцену, не останавливаясь, однако, на ее отталкивающих подробностях, но оставляя, тем не менее, самое щемящее впечатление.

¹ Приводя полный перевод, Мериме делает сноску на четыре строки:

Но человека человек
Послал к Анчару властным взглядом;
И он послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Единственно на латинском языке можно передать сжатость русского языка: *At vir virum misit ad antchar superba vultu, — et ille obedienter via ingressus est, — et rediit mane cum veneno,*

чатление. Стихотворение озаглавлено «Привилегированный». Я перевожу так название «Опричник» (Kotshesnic), которое было дано царем Иоанном IV своим стражам, обычным исполнителям его жестокостей:

Какая ночь! Мороз трескучий ¹.
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.

Я закончу стихотворением совершенно другого характера, которое, так же как и «Анчар», имело несчастье быть принятым цензурой за революционный дифирамб. В настоящее время и то и другое напечатаны во всех изданиях Пушкина. Это стихотворение называется «Пророк» ².

Prosper Mérimée

Paris, 1868.

¹ Мериме делает сноску: «Я не осмелюсь дать слово трескучий — craquante», и дает форму «une âpre gelée — крепкий мороз».

² Приводится французский прозаический перевод.

П р и м. р е д.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

ВЫШЛИ В СВЕТ:

А. Серафимович. Сережа.

Л.-Ф. Селин. Путешествие на край ночи

Х.-Э. Ривера. Пучина

М. Твэн. Похищение белого слона

Вольтер. Вавилонская принцесса

В. Бредель. Шпик

Илья Сельвинский. Песни

М. Зощенко. Исторические рассказы

Т. Драйзер. Цепи

И. Лежнев. Юные годы

И. Ильф и Е. Петров. Чувство меры

В. Файдыш. Октябрь 1917 года в Замоскворечье

Ж.-Р. Блок. Сибилла

А. Шухов. Елизар Дыбин

Л. Стерн. Сентиментальное путешествие

Л. Сейфуллина. Молодость

Мих. Голодный. Из новых песен
Ф. Рабле. Детство Гаргантюа
А. Новиков-Прибой. В дрейфе
Антология негритянской поэзии. Сост. Р. Магидов
И. Уткин. Лирика
А. Виоллис. Индокитай SOS
Г. Гейне. Сатиры
И. Ильф и Е. Петров. Поездки и встречи
Поэты Казахстана, сост. Н. Сидоренко
И. Ильф и Е. Петров. Поездки и встречи
Л. Фейхтвангер. Два рассказа
А. Миронов. Чукотские новеллы
А. Михайлов. Чапаев в Пугачевске
Мих. Кольцов. Командиры
Н. Ростов. Жизнь и смерть Костюшко-Волюжанича
А. Аросев. В октябре 1917 года
А. Явич. Ижемцев
Ник. Попов. Петровы
Ш. Сослани. Речь о Колхиде
Д. Бергельсон. Рассказы
А. Мальро. Годы презрения
Поэты Советской Татарии. Составил Ахмед Ерикеев
Андре Жид. Новая пища

И. Бабель. Избранные рассказы

Ч. Диккенс. Из мэдфогских записок

Генрих Манн. Молодость короля Генриха IV

**М. Е. Салтыков (Щедрин). Игрушечного дела лю-
дишки**

**Перечисленные книжки Библиотеки «Огонек»
можно получить в любом книжном магазине или
киоске Союзпечати.**

**На складе издательства названных книг не име-
ется и заказы на высылку не исполняются.**

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ЦЕПИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

В ДРЕЙФЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

АНДРЕ ВНОЛЛНС

ИНДО- КИТАЙ S.O.S

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

АНДРЕ ЖИД

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

ПОЭТЫ КАЗАХСТАНА

Составил

НИКОЛАЙ СИДОРЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

МАТЭ ЗАЛКА

ГЕНЕРАЛ

ИЗВЕСТИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

МНХ. ЖОЩЕНКО

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

САТИРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

ЛИДИЯ СЕЙФУЛЛИНА

МОЛОДОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ
ПОЭТ» (1971)
МOSCOW, U.S.S.R.
100000

126 011

Цена 20 коп.

